

КНИГИ МАРИИ СЕМЁНОВОЙ

Волкодав

Волкодав. Право на поединок

Волкодав. Знамение пути

Волкодав. Самоцветные горы

Волкодав. Истовик-камень

Волкодав. Мир по дороге

Валькирия

Лебединая дорога

Меч мёртвых

(в соавторстве с А. Константиновым)

Викинги

Поединок со Змеем

Бусый Волк

(в соавторстве с Д. Тедеевым)

Книга 1. Кузница ветров

Книга 2. Берестяная книга

Там, где лес не растёт

Братья

Книга 1. Тайный воин

Книга 2. Царский витязь

Мы — славяне!

Аратта

(в соавторстве с А. Гуровой)

Книга 1. Великая Охота

Книга 2. Затмение

Книга 3. Змеиное Солнце

Книга 4. Песнь оборотня

МАРИЯ СЕМЁНОВА

АННА ГУРОВА

АРАТТА

Книга 4

ПЕСНЬ ОБОРОТНЯ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Пролог

АЙХА ЕДЕТ НА ЮГ

Айха терла маленькую косточку плоским камнем. Тот был покрыт мелкими, но все же хорошо заметными дырочками и быстро стирался. Зато кость становилась совсем ровной, белой и гладкой.

— Как звезды глядят с неба, — напевала девушка себе под нос, — так я гляжу на звезды... Жду, когда упадут, чтобы расшить ими одежду любимого...

Свадебная рубаха из шкуры белого оленя была почти готова. Айха шила ее уже очень долго, не спеша, но и не ленись. Все должно быть сшито наилучшим образом, ведь это одежда к свадьбе — а до той уже не так долго осталось ждать. Скоро начнутся большие снегопады. Дорогу из полуденного края совсем занесет, и в земли монахей будет не добраться до следующей весны. Так что Хаста, несомненно, вот-вот придет. Ведь он поклялся!

Обточив костяной кругляш так, чтобы тот стал плоским и совершенно круглым, Айха бронзовым граненым шилом из земель южан просверлила в нем отверстие и острым наконечником вычертила шестиконечный крест — знак солнца. Пусть добрый бог, которому служит ее Хаста, согревает и оберегает его от тьмы, ледяного ветра и мороза. Таких кругляшей-солнышек Айха выточила уже под сотню. И каждый новый, нашитый вокруг ворота и рукавов свадебной малицы, еще надежнее защищал того, кому она

была предназначена. Продавая в отверстие костяной чешуйки тонкое сухожилие, девушка вновь запела:

— Как разукрасят твою рубашку знаки солнца — так будет сиять моя к тебе любовь! Как я крепко сшиваю жилами оленью кожу — так будет крепка твоя любовь ко мне!

По нижнему краю малица была обшита плашками из священного мамонтова бивня, призванными охранить от сглаза мужскую силу Хасты и даровать ему многочисленное потомство. Айха не пожалела драгоценной кости. Ведь ее нареченный, хоть и мудрец, каких свет не видывал, все же не могучий уроженец Ползучих гор, а слабосильный южанин. И как они, жители Аратты, только ходят на своих тонких ножках, — кажется, налетит ветер и унесет их! Айха, если бы пожелала, могла бы прихлопнуть Хасту даже не кулаком — ладонью. Но ей ничего такого вовсе не хотелось. Наоборот — мечтала, как станет всемерно оберегать любимого, чтобы в ее суровой земле он был здоров и счастлив. И остался бы с ней не на год, как обещал, а навсегда...

Девушка отложила шитье и залюбовалась делом своих рук. Теплая, добротная одежда, и такая красивая! Вот бы знать, какой свадебный дар принесет ей Хаста?

Айхе вспомнилось, как прошедшим летом, когда они только-только отправлялись в Затуманный край, молодой жрец просто так, по своей доброте и щедрости, начертил ей на руке обережный знак.

«Это „Ард“, первая, самая важная буква, запомни ее... Она означает чистое предвечное пламя, которое есть суть Исвархи и основа всего мира», — сказал он тогда. И Айха замерла, страшась его мудрости и восхищаясь ею.

Солнечный бог, которому служил Хаста, даровал ему дивное волшебство — отразить на тонкой скобленной коже душу любого существа. Будь то оберег — вместилище доброго аара, или нежный весенний цветок, какие распуска-

ются в речных долинах, когда сходит долгий снег, или брат-мамонт, да такой похожий, что кажется, будто он вот-вот оживет и пойдет щипать траву.

Где он, ее нареченный? Отчего так долго не приходит? Неужели позабыл о ней?

Айха сердито мотнула головой, будто отгоняя мошку. Ядовитая мысль не в первый раз колола ей сердце. Нет, этого не может быть! Хаста клялся Солнцем. А когда шаман клянется, призывая в свидетели своих богов, он никогда не обманет. Да и не таков Хаста, чтобы обманывать... Наверняка что-то помешало ему...

Она обвела взглядом свадебную вежу, в которой находилась. Она сама ее сделала, обтянув основу из оленьих лопаток и мамонтовых бивней прочными шкурами; сама выложила священный круг очага и с той поры не давала угаснуть огню под сводом их с Хастой будущего зимнего дома.

Сородичи, впервые услышав, что она в самом деле, не в шутку, ожидает приезда рыжего шамана арьев, немало подивились, но промолчали. А между тем время шло. Снег вначале робко выпадал по ночам, изморозью покрывая пожухлые травы. И вот наконец, будто осмелев, начал валить не переставая, так что в двух шагах человека уже не было видно.

Утром, когда большой снегопад еще только начинался, в ее вежу заглянул дядя Умги, брат матери. Сердито сопя, оглядел ладное жилище. Айха надеялась, что он похвалит ее труд, но вид расшитой рубахи как будто еще сильнее разгневал родича.

— Уже и пояс чужаку сшила, — буркнул он, оглядываясь.

— И пояс, и рубаху, а как же, — гордо отозвалась его племянница.

— А оленя тебе кто добыл?

— Сама!

Умги заворчал от злости:

— Это он должен был принести тебе белого оленя!

— Но ведь его тут нет, а свадьбе скоро...

— Замуж тоже сама за себя будешь выходить?

Айха хмыкнула, взяла следующую костяшку и принялась тереть ее.

— Он не придет, — сказал умудренный годами мохнач. — Никто из солнечного племени не смог бы до нас добраться. А уж этот и подавно.

— Придет, — упрямо наклонив голову, возразила девушка. — Он обещал.

— Глупая! Что с того? Обещал — да и не пришел. Это же чужак.

Айха сделала вид, что не слышит. Дядя фыркнул, бросил кожаный полог и ушел. А девушка с еще большим рвением погрузилась в работу. Надо все приготовить к приходу суженого! Они в теплых землях ничего не знают о настоящих морозах. Откуда там взяться доброй одежде?

Тяжелый непроглядный снег валил стеной весь день. К вечеру снаружи немного прояснилось. Айха выглянула наружу, и что-то больно стиснуло ее сердце. Мир вокруг изменился. Теперь он принадлежал зимним аарам. Не осталось больше ни людских, ни звериных троп — все сменила безликая белая гладь. Еще день-два таких же метелей, и нельзя будет найти путь к югу даже вдоль реки...

Айха всхлипнула. Нестерпимое волнение охватило ее. Где Хаста? А если метель застигла его в пути? А если он ранен или попал в руки врагов?

Она вернулась в тепло, села у очага и уставилась в огонь, сиюсь увидев в его пляшущих языках лицо нареченного. Но все впустую — все, что мог различить ее взгляд, было пламя да поднимающийся к отверстию в крыше дым.

— Что-то случилось, — прошептала Айха, на этот раз с полной уверенностью.

Она вытащила из-под вороха шкур обломанный кусок бивня. Когда-то он принадлежал одному из ее прародителей.

— Я не убивала тебя, — прошептала она, обращаясь к духу мамонта. — Я не ела тебя. Я не желала тебе зла. Я сказала тебе правду. Расскажи и ты мне все как есть...

Мохначка достала из поясной сумки пару рыжих волосков и привязала их к кости.

— Мать-Мамонтиха, — зашептала она, — только ты знаешь все! Тебе с высоты легко рассмотреть, что творится в самых дальних землях. Солнце ныне закатилось в твою небесную вежу, и ты, о Мать, не знаешь черноты долгой ночи. Скажи своей младшей дочери, где мой суженый! Скажи, что с ним! Скажи, когда его ждать!

С этими словами она сунула бивень в огонь и затаила дыхание. Вонь жженой кости черной дымкой потекла в небо, унося вопрос девушки. В глубокой тишине Айха почтительно ждала, пока Мать-Мамонтиха услышит вопрос и окинет своим всюду проникающим взором земные пределы.

Наконец послышался едва различимый треск. Айха палкой подцепила кость, столкнула ее с углей и жадно на нее уставилась. Кость с одного края почернела, но с другого осталась светлой.

— Между жизнью и смертью его дорога, — прошептала Айха, цепenea. — И эта трещина прямо посередине! Уж не война ли?

Сама она не застала войн, но дядька рассказывал, что бывает, когда род идет на род.

Она перевернула бивень. Трещины с наружной стороны указывали на тяжелый путь. Злые духи осаждали ее нареченного, впереди его ждали смертельные испытания... И да — у Айхи перехватило дыхание, — он действительно был где-то близко!

«Надо идти ему навстречу», — решила она.

За кожаными стенами ее жилища голодными головами завывала метель. Даже мамонты собрались вместе и плотно жались друг к другу, чтобы не замерзнуть. А ведь зима лишь начиналась...

Но что-то там, внутри под ребрами, клокотало и требовало немедленно подниматься и отправляться в путь.

Айха, ни мгновения не колеблясь, оцарапала костяным ножом край ладони, и кровь часто закапала в очаг. Смешав кровь и золу, она вслепую прочертила себе на лице уберігающие от несчастья извилистые полосы. Это должен был сделать кто-то из старших. Вот только вряд ли кто-то стал бы помогать Айхе в таком опрометчивом, ненужном и опасном походе.

И тут ей пришлось все делать самой.

Девушка облизнула ранку, чтобы унять кровь, и закрыла глаза, втягивая носом знакомые запахи. Те, что помнила с детства, — запахи кожи, меха и теплого дыма. Теперь не скоро она вновь вдохнет их.

«Метель кончается, ночь будет ясная, — сказала Айха самой себе. — Я пойду по звездам».

Когда она уже привязывала к ногам лыжи, из темноты вдруг возник дядька.

Молча уставился на нее, опираясь на копьё.

— Я гадала на зубе предка, спрашивала Мать-Мамонтиху, — объяснила Айха. — С Хастой беда... Я пойду.

Умги мотнул косматой головой:

— Никто не ходит долгой ночью так далеко. И уж давно не ходит один.

— Я пойду, — насупившись, сказала девушка. — Хаста прошел долгий путь. Духи сказали, он почти добрался до Ползучих гор, когда что-то помешало ему. Но сейчас он в опасности. Ему нужна моя помощь.

— Какая помощь? — рассердился старый мохнач. — Ты и ему не поможешь, и сама пропадешь в снегах!

— А я пройду. У меня хорошие лыжи, и никто лучше меня на них не бегает. Мне нужна только еда. Всего на десять дней. Я доберусь до тропы в теплые земли, найду Хасту, мы вместе перезимуем на юге и весной придем сюда. Хаста — великий шаман, ты сам видел! Если он прикажет морозам и снежным бурям отступить, они не посмеют ослушаться.

— Ты не доберешься. Да может, уже и нет никакой тропы. Подземные аары изгрызли всю землю на полдень. Или сама не знаешь, что там творится? Хочешь угодить прямо в Воды Гибели?

Айха мрачно глянула на родича:

— Да. Там опасно. Но я все равно пойду. Духи предков не оставят меня. Я это знаю! Иначе зачем бы им открывать мне будущее?

— Хорошо. — Брат матери смерил девушку долгим тяжелым взглядом. — Если я скажу «нет», ты все равно пойдешь?

— Пойду, — прямо ответила Айха.

Он печально вздохнул:

— Ладно. Вижу, тебя не остановить. На, возьми.

Мохнач снял с плеча и сунул ей плотно набитый кожаный мешок.

— Что там?

— Еда на десять дней. Мы все собирали ее для тебя. Я каждый день буду говорить с предками и просить их защитить тебя. Но ты будь осторожна. Оружие у тебя есть?

— Да. — Она показала копьё. — Прошу, присмотри за Айхо. Он будет очень грустить.

Дядька лишь хмыкнул:

— Я-то присмотрю. Да только Айхо еще упрямее тебя. Ладно, ступай. Найди своего шамана и притащи сюда, иначе ты не успокоишься. Но не иди на юг, все время забирай к восходу. Там, может, и пройдешь.

По свежему хрусткому насту, под сверкающими звездами Айха бежала на лыжах всю ночь, легкая, как олень. Ей было весело, и ее переполняло радостное ожидание чего-то хорошего. Перед рассветом, когда задула поземка, она нашла укрытую от ветра нишу под скалой, забралась туда, завязала рукава своей малицы, натянула ее широкий ворот на голову, свернулась клубком и крепко заснула.

Проснулась девушка от знакомого фырканы и прикосновения хобота к голове.

— Да чтоб тебя блохи закусили! — не открывая глаз, простонала она. — Ты зачем за мной увязался, дурак мохнатый?!

Айхо грузно топтался рядом, всем своим видом выражая бесконечное счастье от встречи.

— Там, куда я иду, очень опасно! Уходи домой!

Мамонт старательно делал вид, что не понимает. Айха вскочила и принялась яростно бранить его. Айхо внимательно слушал и не сдвигался ни на шаг. Он и в самом деле был еще упрямее, чем его названная сестра.

— Ладно же, — прошипела в конце концов мохначка, поняв, что ее побратим не намерен возвращаться. — Но пообещай меня слушаться! И если я скажу «туда не ходи» — значит ты туда не пойдешь!

Айхо, поняв, что его больше не гонят, весело затрубил.

«Исхудал, бедняга, — с болью отметила про себя девушка. — Звери уже голодают — а ведь только начало зимы! На наши обычные кочевья идти нельзя: их захватили подземные черви... Вся жизнь меняется к худшему на Ползучих горах!»

* * *

Айха дремала. Переход выдался тяжелый — после полудня снова повалил непроглядный снег, и высмотреть что-то дальше бивней мамонта было просто невозможно. Зарывшись лицом в густую бурую, длиной с челове-

скую ногу шерсть, укутавшись поплотнее, девушка предоставила своему побратиму идти по давно известной, хоть сейчас и едва различимой тропе вдоль речушки, где на них когда-то напал саблезубец. Душа ее витала у границ мира сновидений, желая высмотреть там душу ненаглядного Хасты.

Когда она пробудилась, вокруг уже начало смеркаться. Побратим неторопливо переставлял ноги, убаюкивающе покачиваясь со стороны на сторону. Лежа на его косматой спине, Айха чувствовала, как он, не замедляя шага, обрывает ветки с кустов, а то и выдирает их целиком и отправляет в рот. Голые березовые ветви и ивняк — не лучшая пища. Но там, где ее род устроился зимовать, и такая встречалась нечасто. «Целый день идем — ни зверя, ни птицы, — сонно подумала мохначка. — Тяжело будет пережить эту зиму. Надо все же просыпаться...»

С усилием поднимая веки, она заставила себя открыть глаза и приподняться. Метель вроде бы закончилась. Девушка с недоумением огляделась по сторонам.

Где они сейчас?

— Айхо, ты куда забрел? — возмутилась она. — Зачем ты ушел от реки? Ты же знаешь дорогу! Мы должны идти вон туда, через Загривок!

Она махнула рукой вправо, туда, где в сизом сумраке виднелась зубчатая стена горного хребта.

— Я понимаю, что ты голодный. Но я же предупреждала. Я не хотела тебя брать! Там нечего есть — только лед и снег да камни. Вернись, не то мы заблудимся!

Айхо как ни в чем не бывало шагнул вперед. Айха стиснула зубы, соскользнула со спины побратима и встала перед ним, уперев в бока руки:

— А ну-ка, поворачивай! Ты обещал!

Мамонт неохотно остановился, покосился назад и фыркнул.

— Давай, давай! — подтолкнула она его. — Перейдем через хребет, а там уже и тропа. Куда тебя понесло? Мы

не знаем там дороги. А еще трещина — не забыл? Надо будет ее непременно обойти. Надеюсь, она не поползла дальше...

Она задумалась, вспоминая время трав, дни Великой Охоты, когда они с дядей нанялись в проводники к царевичу, странствие с Хастой...

«Кто и что мешает ему вернуться?»

И вдруг она почувствовала, что падает.

Жуткое ощущение полета длилось совсем недолго — хватило бы, чтобы моргнуть или сказать «ах!». Земля под ее ногами дрогнула и будто бы чуть просела — совсем немного.

— Что это было? — пробормотала мохначка, вцепившись в древко копья и быстро оглядываясь. Однако вокруг на первый взгляд ничего не изменилось. Если земля куда-то и провалилась — то вся сразу. Айха медленно перевела дух. — Черви изгрызли все нутро Ползучих гор, и теперь его пучит, вот беда-то, — бормотала она, очень явственно ощущая зыбкую пустоту под ногами. — Ну, пошли, братец. Надо возвращаться к реке и идти дальше на полдень!

«Я очень боюсь, — почти услышала она мысли мамонта. — Там, где Загривок, что-то очень страшное...»

— Надо! — воскликнула она почти с отчаянием. — Да, я тоже чую! Гибель — впереди, гибель под нами! Но там тропа на юг!

Они вернулись к реке и шли вдоль нее до темноты. Спать легли на высоком месте, среди березового стланика. Айха пыталась отыскать место понадежнее, но ничего надежного не осталось вокруг. Твердая земля перестала быть твердой, она стала будто скорлупа яйца перелетной птицы.

В беспокойном сне душа Айхи снова летала, как отставший от стаи серый гусь, среди косматых темных облаков. В какой-то миг ветер разорвал облака, и Айха

увидела своего рыжего жреца лежащим навзничь на поросшем жухлой травой холме среди елового леса. Над ним склонились черные тени...

— Хаста! — воскликнула она и проснулась.

То ли утро, то ли вечер был вокруг, она даже не успела понять. Небо было черным, лишь по краю его розовела светлая полоса. Все, что успела заметить Айха: ее побратим стоял, замерев неподвижно, и глядел куда-то в сторону Загривка. А потом она вдруг взлетела в воздух, подхваченная его хоботом. Мамонт забросил ее на спину так, что она едва успела ухватиться за шерсть, и припустил вверх по склону большого холма, на котором они ночевали.

— Что ты... — От его прыжков Айха подлетала в воздух и лязгала зубами, стараясь не откусить себе язык. — Эй, куда тебя понесло?! Зачем нам на эту гору?

Но Айхо упорно, будто не слыша ее слов, взбирался на поросший стлаником одиноко стоящий холм.

— Ну куда ты лезешь? Нам же не сюда!

Ее крик потонул в грохоте. Айха почувствовала, как содрогнулась и застонала земля. И снова, еще сильнее. А затем грохнуло так, будто небо со всеми его звездами рухнуло вниз. Утробный стон из глубин все нарастал и нарастал, земля под ногами ходила ходуном.

Бледно-розовая полоса в небе разом исчезла, будто на нее нашла туча. Айха невольно обернулась и открыла рот в бесконечном изумлении и ужасе. Там, где еще совсем недавно виднелся в сумраке скалистый Загривок, творилось что-то невозможное. Высокая гора в середине хребта, до которой она надеялась добраться к нынешнему вечеру, кренилась набок.

«Гора двигается! — осознала мохначка. — Нет... она проваливается!»

К оглушительному грохоту добавился далекий рокот, переходящий в низкий рев. Гора полностью скрылась из

виду. А на ее месте обманчиво медленно начал вздыматься водяной горб. Он рос и рос, словно собираясь превзойти ту самую гору!

— Что это такое? — пробормотала мохначка, с ужасом глядя, как водяной горб обрушивается вниз, разбегаясь по заснеженной равнине и превращая ее в озеро. Широкий вал покатился во все стороны, ближе и ближе подбегая к тому самому холму, где они сейчас оказались с Айхо.

— Воды Гибели вырвались на свет! — завопила девушка, сама себя не слыша. — Скорее, скорее! Беги наверх!

Словно в ответ на ее отчаянную мольбу, мамонт припустил что есть сил, мотая головой и трубя, будто призывая на помощь сородичей.

— Мать-Мамонтиха, спаси нас! — голосила Айха, слыша за спиной приближающийся рокот. — Дай нам силы, отведи гибель!

Наконец они достигли вершины холма. Айхо проломился сквозь кустарник и замер, дрожа всем телом, потому что выше взбираться было уже некуда. Мохначка вцепилась ему в шерсть и зажмурилась, ожидая, что вот-вот смертоносный вал настигнет их, захлестнет холм и смахнет так же легко, как смывает весеннее половодье сломанное дерево.

Но текли мгновения, а вода так не добралась до вершины. Айха открыла глаза и осторожно приподняла голову. Все вокруг было залито куда-то безудержно стремящейся мутной водой. В потоке мелькали выдранные деревца и кусты, проносились белые льдины. Холм, на который они едва успели вскарабкаться, теперь стал крошечным островком, едва ли в сотню шагов от края до края. Вдалеке, где еще недавно поднималась стена гор, теперь виднелось что-то вроде огромного русла меж двух устоявших отрогов хребта.

— Мать-Мамонтиха... — еле выговаривая слова, прошептала Айха. — Благодарю тебя за спасение. Но что же теперь делать дальше?!

Всю ночь они провели на островке. Айха не сомкнула глаз. Сердце ее колотилось, руки как будто примерзли к шерсти побратима. Лишь иногда она начинала задремывать, и ее голова тут же наполнялась грохотом бурлящего потока. Под утро ей начали мерещиться звуки костяной флейты. Чистые и ясные, они то и дело прорывались сквозь рев. Но когда Айха узнала их, каждая волосинка на ее теле встала дыбом.

Всякий раз, как рыжая девочка из племени ингри начинала играть на дудочке, случалось что-то ужасное...

Нет, Кирья, не играй! Остановись!

Она вскинулась, просыпаясь, и пение флейты растаяло в свисте ветра. Вокруг все неслись куда-то темные воды, а в них белыми вспышками мелькали осколки льда.

Наутро, к огромной радости Айхи, вода начала спадать. Она уходила не так быстро, как нахлынула, но все же не прошло и полдня, как озеро снова обернулось равниной — только та не была уже ровной и гладкой, а встала дыбом, словно шерсть мокрого, грязного, косматого зверя.

Айха с побратимом подольше выждали для надежности, не вернутся ли Воды Гибели, наконец спустились с холма и пошлепали по лужам среди развороченной потопом обледенелой земли — прочь от исчезнувшей горы.

Однако, как ни забирали они подальше к восходу, этого оказалось недостаточно. В сумерках, когда догорал закат и в глубоком синем небе одна за другой загорались звезды, они вдруг вышли к краю обрыва. Никогда на Ползучих горах таких обрывов не бывало. Отвесный, высоченный берег уходил вдаль и по правую руку, и по левую. А под ногами, далеко внизу, отражая уходящее солнце и небо, плескалось море.

«Какое оно? — вспомнила Айха давнишние слова жреца. — Море прекрасно и опасно. Сияние и блеск, хаос и смерть...»

Холодное сверкание голубого льда пробивалось через бурые стены обрывов. Вода блестела и переливалась, по ее поверхности ходили волны. Вдалеке виднелся другой берег, такой же обрывистый.

— Гора провалилась, и теперь вместо нее стало море, — сказала Айха. И тихо добавила: — Какие вы красивые, Воды Гибели...

Айхо подкрался поближе и утащил сестру от края обрыва — сама она не могла сделать и шагу, у нее кружилась голова и подгибались ноги.

Весь следующий день, обходя гигантский провал, они продолжали идти к востоку. Двигались очень медленно, с трудом выбирая дорогу среди завалов. То ближе, то дальше грохотали водопады — в море падали десятки и сотни потоков, ручьев и речек. Они несли с собой грязь, мох, траву и дерн. То и дело вниз срывались и падали с обрыва подмытые водой валуны. Всякий раз, переходя ручей, Айха тщательно выбирала место для переправы. Ей очень живо представлялось, как поток уносит ее туда, к краю пропасти, и она летит с него вниз в облаке водяной пыли...

— Что творится! — качая головой, говорила она мамонту. — Все стало чужое, ничего не узнаю!

Айхо был с ней полностью согласен. Всю землю перекорежило, не найти ни тропки, ни еды. От зарослей ивняка и стланика и следа не осталось. Где были горы, стали овраги, где было ровно — торчат острые камни. Что за сила вытолкнула их из чрева земли?

— Ползучие горы гибнут, — сказала Айха убежденно, когда они остановились передохнуть. — Теперь это место смерти. Проснулись древние аары — такие старые, что в их времена еще не было ни людей, ни зверей. Даже

КНИГА 4. ПЕСНЬ ОБОРОТНЯ

Мать-Мамонтиха еще не родилась тогда. Были только луна и звезды, солнце и темнота... Тогда верховные духи создавали мир, лепили его из огня, грязи и льда... А теперь они ломают мир и переделывают его заново. Лучше бы всем живущим в это время оказаться от них подальше!

Айхо дрожал и старался прижаться к ней плечом. Вот бы стать маленьким, как травяная мышь, и спрятаться в котомке у своей бесстрашной старшей сестры!

— Странно, что я, девица, веду шаманские речи, не правда ли, братец? Но что мне еще остается? Я прошу древних духов пропустить нас, но не слышу ответов. Боюсь, им нет никакого дела до людей и мамонтов... — Айха поглядела в сумерки исподлобья и добавила: — А я все равно пойду дальше. Где-то там Хаста. Он лежит на холме, и темные тени подбираются к нему. Я буду женой шамана, я должна быть смелой. Я должна пройти.

Побратим кивал. Айха казалась ему огромной и крепкой, выше неба и тверже скал.

Уже на самом закате, перебравшись через очередную гряду невысоких холмов, Айха вдруг увидела место, которое показалось ей знакомым.

— Тропа! — закричала она, ликуя. — Смотри, брат! Мы вышли на охотничью тропу!

Она поглядела вдаль, на уходящие в синюю дымку плоскогорья, счастливо улыбаясь:

— Дальше путь свободен!

Часть 1

СОЛНЦЕ НАД БЬЯРМОЙ

Глава 1

ОЗЕРО ТАРЭН

Хаста лежал на увядающей траве, закинув руки за голову, и глядел в далекое бледно-голубое небо. День был не по-осеннему теплым. В его родных землях на берегах Змеева моря в эту пору можно было ожидать первого снега, а здесь, в южной Бьярме, лишь начинали желтеть листья да порою легкие паутинки носились в воздухе и липли на лицо.

Холм плавно поднимался над хвойным лесом, темно-зелеными волнами уходящим в синие туманные дали. С юга его огибала дорога. За этой дорогой, затаившись в сухой траве, следили две девушки в черном. Третья сидела рядом с Хастой и неспешно правила нож из небесного железа.

— Эй, звездочет! — насмешливо окликнула она лежащего. — Не рано ли ты уморился?

— Я не устал, — переводя взгляд с облаков на воинственную спутницу, ответил рыжий жрец.

Худощавый и невысокий, обряженный в пестрое, им самим придуманное одеяние бродячего гадателя, Хаста на первый взгляд казался чуть ли не подростком. Только морщинки в уголках глаз да внимательный цепкий взгляд выдавали его настоящий возраст.

— Тогда зачем эта остановка? — продолжала Марга. — Спасибо Тулуму, мы ловко выбрались из столицы и сейчас изрядно опережаем наших врагов. Но лучше бы нам

не терять времени и уйти подальше от тракта, а не торчать у всех на виду на этом облезлом пригорке.

— Не такой уж он и облезлый. А кроме того, с «пригорка» открывается прекрасный вид...

— Ага, — ехидно ответила накхини, — только что ты внимательно глядел, не хмурится ли Исварха из-за того, что мы недавно учинили с одним из его слуг. Можешь не тревожиться о своем пухлом приятеле. Поверь, из наших рук он ушел почти нетронутым. Его предательство заслуживало куда более суровой кары, чем десяток-другой пинков...

Хаста припомнил честолюбивого Агаоха, возжелавшего подарить его голову Кирану. Конечно, затея была отвратительная, и все же рыжему жрецу было жаль старого знакомца.

— Господь Солнце явит свою волю, буду я искать взглядом его лик или нет. А вы лучше обратите свои взоры к дороге.

Смуглое лицо сестры саарсана от гнева потемнело еще сильнее.

— Может, наконец объяснишь, чего или кого мы ждем? — резко спросила она. — Утром ты попросил нас разобрать мост через лесную речку — мы это сделали. Но затем мы вернулись сюда и сидим тут уже полдня! Почему бы нам не перехватить тех, кого ты ждешь, у реки, пока они будут ладить переправу...

Хаста сел и сладко потянулся:

— Они не будут ее ладить. Благородные арьи не станут марать руки о грязные бревна...

— Во имя Отца-Змея, хватит загадок! Еще одна недомолвка, и я тебя стукну. Что расскажут тебе звезды, когда будешь смотреть на них подбитым глазом?

Юные накхини, лежащие в траве, захихикали.

— Можем и одежду на тебе для убедительности изорвать, — любезно предложила Вирья.

— Нам это совсем не трудно, даже приятно! — добавила Яндха.

— Спасибо вам, добрые девочки, — раскланялся жрец. — Ну, слушайте. Марга, помнишь ворох писем, который вы унесли со стола у Кирана? Мы со святейшим Тулумом читали их всю ночь. Порой встречались довольно любопытные сообщения. Например, доносы, которые нынешний наместник Бьярмы писал на военачальника Каргая...

— Кто такой этот Каргай?

— Глава особого отряда ловчих, которому Киран поручил отыскать и доставить в столицу истинного царевича Аюра. И заодно переловить и покарать всех самозванцев, которые ему попадутся. В последнее время «царевичей» тут больше, чем местных жителей...

— Да, я знаю. И что?

— Марга! — укоризненно покачал головой Хаста. — Подумай сама. Этот Каргай с «летучим войском» сидит в городишке Яргара — кстати, недалеко отсюда — и готовится перевернуть Бьярму вверх дном. Он уже столь ретиво взялся за дело, что одно его имя приводит здешнего наместника в бешенство. Надо сказать, тот не скупился на выражения, описывая дерзость и своеволие не в меру усердного ловчего...

— А нам-то до него какое дело? — поддержала наставницу Яндха. — Пусть себе слуги Кирана ищут царевича, ну а мы будем искать сами. Бьярма велика, царевичей на всех хватит!

Хаста вздохнул и закатил глаза.

— Яндха, помолчи, — недовольно сказала Марга. — А ты, Хаста, продолжай. Я еще в столице по твоему лицу видела, что ты придумал, как нам найти Аюра.

— Кое-какие мысли у меня, конечно, появились, — улыбнулся Хаста. — Вы навели на Кирана изрядного страха, но наверняка он уже догадался, что приходили мы

во дворец не по его душу. Забрав свитки, мы четко дали ему понять, что охотимся на иную добычу. И уж конечно, блюститель престола пожелает оповестить о нас Каргая. Теперь, кроме Аюра, тому придется ловить еще трех накхини и одного вредоносного жреца... Ну а поскольку дело это тайное и государственной важности, то Киран, вероятно, пошлет к Каргаю не простого гонца, а кого-то из своих приближенных...

— Предположим. Что это нам дает?

— Возможность подобраться к Каргаю совсем близко и знать все, что знает он.

— Стало быть, мы поджидаем тут некоего «гонца из приближенных», — помолчав, отозвалась Марга. — Ну наконец-то дело прояснилось! И как ты намерен с его помощью подобраться к Каргаю?

— Прошу тебя, Марга! — Хаста сложил руки перед грудью. — Доверься мне...

— Можно я его стукну? — приподнялась с земли Вирья.

— А потом я? — подхватила ее подруга.

Сестра Ширама досадливо отмахнулась от воспитанниц:

— Умолкните — я думаю! Ты явно затеваешь что-то хитрое, но я никак не соображу, что именно... — хмурясь, проговорила она. — Хочешь, чтобы мы подкараулили его и убили?

Жрец отрицательно качнул головой.

— И то верно — мы могли бы это сделать у моста... А, поняла! Ты хочешь поймать его и сам переодеться гонцом!

Хаста хмыкнул:

— Боюсь, я не смогу убедительно изобразить знатного воина. Тут скорее подошла бы ты, но накхи сейчас не в почете. Впрочем, можно набелить тебе лицо, распустить твою косу и перекрасить ее в золотистый...

Пальцы Марги сомкнулись у него на горле.

— Ты вообще думай, что говоришь!

Хаста с трудом высвободился и потер кадык.

— Не стоит так горячиться, — кашляя, ответил он. — Это была шутка.

— Глупая шутка, — буркнула сестра Ширама.

— Согласен... — Он поднес руку к глазам, закрываясь от солнца. — А вот, кажется, и наш гонец!

По дороге, ведущей к Яргаре, быстро двигалась пятерка всадников. Четверо в обычных бурых плащах городской стражи, один в алом, со вспыхивающим по вороту золотом.

— Как я и думал, кто-то из придворных, — пробормотал жрец, быстро вставая и направляясь в сторону дороги. — Что ж, самое время познакомиться...

— А нам-то что делать? — крикнула ему в спину Марга.

— Вам... — Хаста поглядел на молодых накхини. — Надеюсь, твои девочки любят купаться в холодной, открытой тиной воде?

* * *

Обогнув холм, всадники увидели одинокого путника, что брел по дороге, опираясь на длинный посох.

— С дороги! — нетерпеливо крикнул воин из свиты вельможи в алом плаще.

Хаста обернулся, из-под руки разглядывая гонца. Да, как он и предполагал, перед ним был один из тех знатных бездельников, которые вечно крутились около Кирана, во всем его поддерживая. Юноша был разодет с излишней в лесу роскошью, держался самоуверенно и величественно, как истинный царедворец. Впрочем, едва ли он был из высшей знати — в отличие от смуглых арьев царского рода, этот был светлокожим, и его длинные волосы были не золотистые, а просто рыжеватые. По виду гонца можно было сразу сказать, что его предками были степные сурьи, которые первыми склонились перед колесни-

цами захватчиков с востока, несущих свет Исвархи на своих копьях и знаменах...

Хаста отпрянул и закричал поравнявшемуся с ним гонцу:

— Эй, путник, погоди! Ты что же, не знаешь, какие нынче дни?

Всадник в алом плаще натянул поводья, осаживая коня.

— Не спеши, добрый юноша, это опасно, — продолжал Хаста. — Нынче те, кто торопится, могут и вовсе не доехать до дому...

— Что ты хочешь сказать? — спросил молодой царедворец, пытаясь по виду странника понять, с кем имеет дело.

Причудливое одеяние, пестрый плащ, войлочный колпак... Бродячий прорицатель, звездочет? Но из каких краев?

— Не торопись, поезжай шагом, будь осторожен! Вчера наступили лунные дни у богини Тарэн...

— Что?!

Насторожившийся было юноша озадаченно поглядел на звездочета, а потом разразился хохотом. Следовавшие за ним воины из столичной городской стражи громогласно подхватили его смех.

— Ты в бьярских землях, — укоризненно отвечал жрец. — Лучше тебе знать, что в эти дни великая богиня злится на весь мир. Все, что попадаете ей на глаза, раздражает ее. Бьяры в эти дни стараются со двора лишний раз не выходить. Даже едой заранее запасаются...

— Мы в землях Аратты, чужеземец, — резко отвечал знатный юноша. — Здесь один только Исварха имеет власть. Я вижу, ты явился издалека? Должно быть, ты лишен его света, потому и трепещешь перед всякой лесной нечистью. Знай же: злые духи бессильны перед ликом Господа Солнца! Это знает в Аратте всякий ребенок.